

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ SCIENTIFIC SCHOOLS

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-372-386

EDN: GPSQEZ

Интервью / Interview

Мировая политика в условиях цифровизации

Интервью с Татьяной Александровной Алексеевой, доктором философских наук, кандидатом исторических наук, заслуженным деятелем науки РФ, профессором, заведующей кафедрой политической теории, и Мариной Михайловной Лебедевой, доктором политических наук, кандидатом психологических наук, профессором, заведующей кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России)

На фото: слева — Т.А. Алексеева, справа — М.М. Лебедева

Аннотация. В интервью с ведущими российскими экспертами в области теорий международных отношений и технологической трансформации Татьяной Александровной Алексеевой и Мариной Михайловной Лебедевой, представляющими научную школу МГИМО МИД России, обсуждаются проблемы международных отношений и мировой политики в условиях цифровизации. Показано, как трансформируется политическая организация мира в результате внедрения новых технологий, как теории международных отношений отражают реакцию на процессы цифровизации и появления каких новых теоретических подходов к изучению между-

© Алексеева Т.А., Лебедева М.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

народных отношений в цифровую эпоху можно ожидать. В частности, отмечается, что конструктивисты довольно осторожно относятся к цифровизации и применению количественных методов анализа. Отвечая на вопросы редакции журнала, эксперты анализируют, что принципиально нового внесла цифровизация в международные отношения и мировую политику по сравнению с предыдущими технологическими скачками. Так, приводятся рассуждения о том, что скорость воздействия цифровизации на политические и международно-политические процессы во много раз больше по сравнению с предыдущими этапами развития при внедрении новых технологий. При этом цифровизация вызывает много негативных и побочных явлений. На конкретных примерах показаны противоречия, порождаемые цифровизацией, связанные, с одной стороны, со свободой Интернета, а с другой — с суверенитетом государства. Отмечается, что государства могут сотрудничать друг с другом в противодействии преступности в цифровой сфере, если эта преступность не носит политического характера. В случае терроризма или политически мотивированных действий преступников сотрудничество государств осложняется. Цифровизация вывела на авансцену новых лидеров — США и Китай. Цифровые компании этих стран фактически определяют многие направления развития цифровизации. Особый вопрос возникает в связи с определением стандартов в цифровой сфере, поскольку, очевидно, что от стандартов тех компаний и стран, которые будут приняты, во многом будет зависеть дальнейшее развитие и цифровизации, и обусловленных ею международно-политических процессов. Эксперты объясняют, почему вряд ли произойдет полный распад производственных цепочек и полная фрагментация Интернета. Т.А. Алексеева и М.М. Лебедева рассуждают о том, как будет выстраиваться политическая организация мира, какие перспективы и ограничения существуют у различных видов цифровых технологий, и выдвигают предположение, что сетевые отношения станут доминирующими в мире, но процесс трансформации и перехода к сетевому взаимодействию может оказаться весьма болезненным.

Ключевые слова: цифровизация, теория международных отношений, цифровые технологии, цифровые компании, цифровой суверенитет, цифровая дипломатия

Сведения о финансировании. Статья подготовлена по гранту РНФ № 23-18-01045 «Трансферный потенциал политической науки в системе социогуманитарного знания».

Для цитирования: Алексеева Т. А., Лебедева М. М. Мировая политика в условиях цифровизации. Интервью провели К.П. Курылев и М.С. Рамич // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 372–386. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-372-386>; EDN: GPSQEZ

Global Politics in the Context of Digitalization

Interview with Tatiana Alexandrovna Alekseeva, Dr.Sc. (Philosophy), PhD (History), Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of Political Theory, and Marina Mikhailovna Lebedeva, Dr.Sc. (Political Sciences), PhD (Psychology), Professor, Head of the Department of World Political Processes at the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University)

Abstract. The present interview features prominent Russian scholars in the fields of international relations theory and technological transformation, Tatiana A. Alekseeva and Marina M. Lebedeva, representing the MGIMO academic school. The dialogue covers how the political organization of the world is being transformed by the introduction of new technologies, how theories of international relations react to digitalization processes, and what new theoretical approaches can be expected. In particular, it is noted that constructivism is rather cautious about digitalization and the use of quantitative methods of analysis. Answering the questions of the editorial board of the journal, the fundamentally new contributions of digitalization to international relations and world politics compared to previous technological advances. Thus, it is argued that the speed of the impact of digitalization on political and international political processes is many times greater than in previous stages of development with the introduction of new technologies. At the same time, digitalization causes many negative and side effects. The article uses concrete examples to illustrate the contradictions generated by digitalization, related, on the one hand, to Internet freedom, and, on the other, to state sovereignty. It is noted that states can cooperate with each other in countering crime in the digital sphere, if it is not of a political nature. In the case of terrorism and politically motivated actions of criminals, state cooperation becomes more complicated. Digitalization has brought new leaders to the forefront—the United States and China. Digital companies in these countries actually determine many areas of development. A special question arises in connection with the definition of standards in the digital

sphere, since it is obvious that the standards of those companies and countries that will be adopted will largely determine the further development of digitalization and the international political processes caused by it. The article sets out an argument as to why a complete breakdown of production chains and a total fragmentation of the internet are unlikely to occur. The authors discuss how the political organization of the world will evolve and the prospects and limitations of various types of digital technologies. It is assumed that network relations will become dominant in the world, but the process of transformation, the transition to network interaction can be very painful.

Key words: digitalization, theory of international relations, digital technologies, digital companies, digital sovereignty, digital diplomacy

Funding sources. The article was prepared under the Russian Science Foundation grant No. 23-18-01045 “Transfer potential of political science in the system of socio-humanitarian knowledge”.

For citation: Alekseeva, T. A., & Lebedeva, M. M. (2026). Global politics in the context of digitalization. Interviewed by K. P. Kurylev and M. S. Ramich. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 372–386. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-372-386>; EDN: GPSQEZ

— **Уважаемая Марина Михайловна,** цифровизация охватывает все сферы в современном мире. Есть ли специфика влияния цифровизации на международные отношения и мировую политику? Если да, то в чем состоит эта специфика?

— **М.М. Лебедева:** Действительно, нет такой сферы в современном мире, которая бы не была затронута цифровизацией. Я бы выделила три аспекта, которые крайне важны для международных отношений и мировой политики. При этом последняя понимается не только как взаимодействие государств, но и как взаимодействие государств и негосударственных акторов на международной арене. Эти аспекты, пожалуй, отличают международные отношения и мировую политику от других сфер в условиях развития цифровизации.

Первый аспект связан с тем, что технологические революции всегда вели к перестройке политических основ мироустройства. Так, появление орудий обработки земли повлекло за собой формирование феодализма, промышленная революция способствовала созданию капитализма. В XX в. другой, хотя и менее значимый скачок, был обусловлен открытием атомной энергии. В результате клуб пяти ядерных держав во многом определял мировую политику и международные отношения второй половины XX в. К. Шваб также обращает внимание на скачки в развитии технологий, которые устанавливали траектории мирового развития (Шваб, 2016), хотя для него мирополитический аспект все же уходит на второй план, уступая место именно технологическому.

Изменит ли цифровизация политическую организацию мира? На мой взгляд, безусловно, изменит. Сегодня много говорится о многополярности, с одной стороны, и одновременно о турбулентности — с другой. Не могу принять термин «многополярность» так, как он обычно понимается, то есть как наличие нескольких государств, определяющих мировую политику и международные отношения. Представляется, что речь должна идти о многоцентричности, где центрами выступают не только государства, но и международные организации, параорганизации (в частности, БРИКС), транснациональный бизнес, неправительственные организации (НПО) и др. В свою очередь, понятие «турбулентности» международных отношений, введенное Дж. Розенау еще в прошлом веке (Rosenau, 1990), сегодня обретает новую жизнь (см., например: (Oppenheimer, 2021)). При этом турбулентность нередко понимается как хаотизация или процесс, ведущий к хаотизации (см., например: (Хаас, 2008)).

Оба вектора развития — многоцентричность и турбулентность — не противоречат друг другу. Цифровые технологии порождают турбулентность, хаотизацию, поскольку разрушают прежние связи и отношения. Фактически они ломают сложившиеся иерархические связи. В то же время они и перестраивают эти связи во многом в сетевые отношения, при этом иерархические связи не исчезают.

Второй аспект связан с причинами разрушения существующих связей и отношений. Цифровизация сделала государственные границы «прозрачными». Сначала прозрачность

границ была обусловлена массированным выходом на мировую арену различных акторов, о чем в начале 1970-х гг. писали Р. Кохейн и Дж. Най (Nye & Keohane, 1971). Следующий этап развития транспарентности национальных границ начался в конце XX в. с появлением Интернета. К. Шваб, правда, не относит Интернет к Четвертой промышленной революции. Однако именно с Интернета началась цифровизация мировой политики и международных отношений. Современный мир строится на Вестфальских принципах, ведущим из которых является суверенитет, а Интернет стал нарушать этот принцип, обеспечивая трансграничную коммуникацию и передачу информации.

Цифровизация XXI в. усилила эти процессы, в том числе, например, за счет трансграничного характера криптовалют. При этом информационные и коммуникационные технологии наряду с другими достижениями науки и техники породили ряд возможностей и вызовов в транснациональной среде. Это, с одной стороны, развитие публичной дипломатии. Сегодня практически все посольства и загранучреждения различных стран представлены в виртуальной среде. Участники международных встреч используют одновременно онлайн- и офлайн-коммуникацию при ведении переговоров (Лебедева, Зиновьева, 2023). С другой стороны, мир сталкивается с фейками, которые стали важнейшими элементами в гибридных войнах. В сфере безопасности, а также в ходе вооруженных конфликтов национальные границы преодолеваются с помощью новых технологий, таких как дроны, кибератаки и т. п.

Третий аспект связан с тем, что в результате «прозрачности» границ возникает целый ряд новых областей в международной сфере, требующих согласований на глобальном уровне. Первой такой областью стало регулирование Интернета (Зиновьева, 2015). Пространство Интернета глобально, в то время как государства имеют свои ограничения, в том числе и в сфере законодательства. Так, одним из первых ключевых прецедентов в плане юрисдикции Интернета стало «дело *Yahoo*» в 2000 г. Его суть состояла в том, что на аукционе американской компании *Yahoo* продава-

лись предметы с нацистской символикой, что запрещено во Франции, но допустимо в США. Сегодня спектр всех этих вопросов, связанных с транснациональным характером действий на основе новых технологий, значительно расширился.

Цифровизация — одно из явлений, связанных с утверждением новой, постнеклассической или, иначе говоря, «пригожинской» картины мира, названной так по имени крупнейшего бельгийского физика российского происхождения Ильи Романовича Пригожина. Он утверждал, что современная наука опровергает детерминизм и настаивает на том, что креативность проявляется на любом уровне природной организации. Нестабильность явлений и процессов — существенный элемент бытия, имеет место не единичная бифуркация, а целые их каскады, подталкивающие развитие в том или ином направлении, зачастую под влиянием случайного фактора. В результате возникают новые, непредсказуемые макро-структуры, а будущее открыто. Более того, «конец определенности» предполагает видоизменения, причем даже индивидуальные действия могут оказаться существенными. Достаточно лишь небольшого энергетического воздействия — «укола», чтобы система перестроилась и возник новый уровень организации («эффект бабочки»).

Тем самым И.Р. Пригожин поставил в центр своей картины мира «наведение моста между бытием и становлением», «новый синтез этих двух важнейших „измерений“» действительности, двух взаимосвязанных аспектов реальности, однако при решающей роли времени (становления). Вследствие этого мы вступаем в новую эру «истории времени (которое „проникло всюду“»», когда бытие и становление могут быть объединены — при приоритете последнего. Однако тогда именно скорость коммуникации, которую обеспечивает цифровизация, оказывается решающей.

Таким образом, мы вступаем в очередную глобальную научную революцию, связанную именно с постнеклассической наукой. Напомним, что с точки зрения академика В.С. Степина, ключевые идеи постнеклассической

науки — это нелинейность, коэволюция, самоорганизация, глобальный эволюционизм, синхронистичность и системность (Степин, 2003).

Понятно, что переход к новой картине мира и изменение научного мировоззрения не происходят одномоментно, это относительно длительный и довольно противоречивый процесс. Например, переход от ньютоновской «классической» к эйнштейновской «неклассической», а теперь и к пригожинской «постнеклассической» картине мира еще отнюдь не завершен, в каком-то смысле мы постоянно находимся в переходном периоде и используем наработки предшествующих периодов в применении к отдельным темам и проблемам. Об этом писал еще датский физик Нильс Бор.

Одним из аспектов перехода к постнеклассическому миру становится Четвертая промышленная революция. Напомним, что Первая промышленная революция предполагала механизацию, гидроэнергию и паровые машины, Вторая — электричество, конвейер, поточное производство, Третья — компьютеризацию и автоматизацию. Наконец, нынешняя революция — это, прежде всего, цифровизация. Мы можем зафиксировать момент старта ее осмысления — это публикация сначала статьи, а затем и книги немецкого экономиста и руководителя Всемирного экономического форума Клауса Шваба «Четвертая промышленная революция» (Шваб, 2016).

По мнению исследователя, мир стоит на пороге Четвертой промышленной революции, основные черты которой — «вездесущий» и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект (ИИ), а также нанотехнологии, квантовые технологии, робототехника и т. д. Причем речь идет не просто об «оцифровке» экономических потоков и процессов, а о комплексной цифровой трансформации мира, движимой мегатрендами и множеством не менее значимых факторов.

Сегодня уже трудно назвать сферу человеческой деятельности, в которой не применяются или не делаются попытки использовать цифровые подходы, и область внешней политики и международных отношений не является

исключением. Это новый вариант «черного лебедя», то есть событие аномальное (ничто в прошлом его не предвещало) и обладающее огромной силой воздействия, а объяснение случившемуся дается после того, как это событие случилось (Талеб, 2011, с. 10).

В практику международных отношений еще в 2000-х гг. вошел термин «цифровая дипломатия», и его значение стало очевидным в период пандемии COVID-19. Сложилась другая дипломатия, действующая по иным, нетрадиционным правилам. Благодаря развитию цифровых технологий, многократно ускоряющих процессы коммуникации между государствами, возникли новые формы дипломатического взаимодействия — интеграция информационно-коммуникационных технологий (искусственный интеллект, виртуальная реальность, децентрализация систем и т. д.). Короче говоря, меняется сам характер работы дипломатических ведомств, так как они получили в свое распоряжение мощнейшие инструменты налаживания международных связей и управления международными процессами.

Основанная на сетевых информационно-коммуникационных технологиях, цифровая дипломатия позволяет не просто вести переговоры, а качественно расширять потенциал влияния для достижения внешнеполитических целей с привлечением гражданского общества, бизнес-корпораций, средств массовой информации и других структур.

Следует подчеркнуть, что цифровая дипломатия ориентирована на *стратегическое*, а отнюдь не только на тактическое применение интернет-инструментов в международных отношениях. Это, в свою очередь, означает, что в результате цифровизации изменилась сама парадигма дипломатии, многократно расширились возможности достижения внешнеполитических целей. По мнению министра иностранных дел России С. В. Лаврова, без социальных сетей сейчас не может обойтись ни одна профессия, а дипломатия тем более. Она предполагает интеграцию искусственного интеллекта, кибербезопасности, виртуальные дипломатические действия, а также активное использование социальных сетей. «Особого внимания

заслуживают процессы цифровизации, их регулировка, балансировка, адаптация под конкретную ситуацию. И я убежден, что эти процессы не должны превращаться в самоцель, а должны осуществляться активно после тщательного учета, конечно же, всех рисков и угроз для общества и должны служить защите национальных интересов, защите наших ценностей, нашей культуры и истории», — подчеркивал С.В. Лавров¹.

Хотя с появлением Интернета и социальных сетей это направление деятельности вроде бы уже состоялось, сегодня речь идет о качественном увеличении масштабов и глубины проникновения цифровой дипломатии в международные процессы и явления.

Со временем стали заметны и негативные стороны цифровизации. Так, кибератаки, нацеленные на дипломатические представительства и их сотрудников, сегодня превратились уже в обычную практику. Вопросы кибербезопасности в этих условиях приобретают особенно важное значение — возможна утечка информации, манипуляции с образами и идеями политиков и дипломатов, разрушение международных договоренностей и принципов конфиденциальности, без которых никакая дипломатия невозможна. Под вопросом может оказаться безопасность и устойчивость цифровой дипломатической инфраструктуры как таковой.

— Как феномен цифровизации современного мира отражается в теоретических исследованиях по международным отношениям и политической теории?

— Т.А. Алексеева: Мировой порядок переживает сегодня существенную трансформацию — во все большей степени это сложнейшая система постоянно ускоряющейся транснациональной коммуникации. Новый мир нуждается в переосмыслении, ибо большинство принципов, воспринимаемых в науке о международных отношениях как универ-

сальные истины, возникли в специфических исторических условиях и явились ответами на конкретные «вызовы» своего времени. Отсюда новизна идей и трактовок, даже если по-прежнему сохраняются «большие теории», такие как политический реализм и либерализм. Их дополняют и новые подходы, такие как «квантовая» теория принятия решений (Алексеева, Минеев, Лошкарёв, 2017). Известный французский мыслитель Мишель Фуко писал: «Работать — это значит решиться думать иначе, чем думал прежде» (Фуко, 1996, с. 308). И еще: «Написать книгу — это всегда в некотором смысле уничтожить предыдущую» (Фуко, 1996, с. 309).

Хотя социальные науки разрабатывают различные постпозитивистские и постэмпирические методологии, «политическое» — в лучших традициях Карла Шмитта — по-прежнему преимущественно рассматривается в соответствии с механистической традицией, через постоянные рассуждения о государстве как о машине, государстве как организме, о балансе сил и т. д. И хотя мы вроде бы пытаемся мыслить в терминах сетевых потоков, но доминирующая международно-политическая мысль структурируется вокруг ньютоновской «оси». В последнее десятилетие в научный лексикон политических наук, включая и теорию международных отношений, вошли понятия и концепты из теоретической физики, квантовой теории, термодинамики, самоорганизации биологических систем. Обычно они выступают в качестве метафор, существенно обогащая понимание социально-политических процессов через «сравнение».

Традиционно теория международных отношений опиралась на триаду «реализм — либерализм — марксизм». После распада СССР на место марксизма был предложен конструктивизм, хотя он все-таки не теория, а скорее подход, который применяется в самых разных парадигмах, например в книге Сэмюэля Баркина (Barkin, 2010).

Напомним, что сегодня в политической философии и теории уже господствуют конструктивисты третьего (по мнению некоторых ученых — даже четвертого) поколения, что не могло не сказаться на их взглядах на вопросы

¹ Лавров С.В. Без договоренностей стран в области интернета миру грозит киберанархия // EurAsia Daily. 14.04.2022. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/04/14/bez-dogovorennostey-stran-v-oblasti-interneta-miru-grozit-kiBERanarhiya-lavrov> (дата обращения: 10.10.2025).

цифровизации. Теоретики, сохраняя приверженность базовым постулатам конструктивизма, в то же время обратили особенное внимание на *теорию коммуникации* и *фрейминг* как способы конструирования реальности и ее насыщения определенными смыслами. Это течение сформировалось под влиянием философского дискурса постмодернизма.

Одно из новейших течений конструктивизма — *интерактивный конструктивизм*. Он был сформирован под влиянием «школы Кельнского университета в ФРГ» и таких авторов, как Керстен Райх, Стефан Нойберт и др. Внимание интерактивных конструктивистов сосредоточено на дискурсах, которые, по их мнению, следует воспринимать и анализировать как подвижные, существующие временно в контекстах социального понимания. Отсюда — концентрация исследователей-конструктивистов на таких методах, как дискурсивный анализ. Они настаивают, что именно дискурс формирует мир вокруг нас, и предлагают рассматривать социально воспроизводимые группы идей и значений, закрепившихся в определенном сообществе.

Конструктивисты в принципе делают упор на субъективные факторы восприятия реальности, полагая, что социальные явления, в том числе и международные отношения, слишком сложны, чтобы объяснять их исключительно при помощи эмпирических конструкций. Поэтому они настаивают на внимании к контексту событий и процессов, на фоне которых формируются структуры, и к тому, как и почему некоторые практики стали относительно фиксированными, а другие — мобильными и изменчивыми. Кроме того, конструктивисты сосредоточены на исследовании идентичностей, например роли взаимодействия «Я» — «Другой» в рамках изучения мировой политики.

Конструктивисты весьма осторожны с цифровизацией, и шире — с применением количественных методов анализа международных отношений. Некоторые из теоретиков конструктивизма в принципе отрицают возможность познания и объяснения процессов, оставляя за наукой лишь право интерпретации смысла этих процессов для акторов. Коль скоро конструктивисты не признают полную до-

стоверность научного знания, они ограничивают возможности для исследований, особенно количественных методов, которые традиционно опираются на эмпирическую базу.

В то же время конструктивисты отдают должное цифровизации с точки зрения рассмотрения и анализа некоторых специфических проблем. В частности, цифровизация означает качественный рывок на пути «отмены расстояний», о чем писал в свое время еще Герберт Уэллс (2023, с. 19–21). Разрушительные последствия предыдущих стадий «отмены расстояний»: переход от пешего передвижения к конному, затем к освоению энергии пара, электроэнергии, телефонизации, радио, наконец, к Интернету — не только радикально меняли образ и темп жизни, но и проявлялись отнюдь не мгновенно. Сейчас мы можем только догадываться или вообразить возможные варианты дальнейшего движения по пути цифровизации, в том числе в сфере международных отношений.

Важнейшее значение также имеет фактор культуры, увязывающий географию с историей человечества. География сегодня ассоциируется прежде всего с картой, показывающей не только океаны, моря, горы, но и (что играет особенно значимую роль для политики) межгосударственные границы или границы сообществ. Политическая мысль в этом отношении довольно разнородна, но можно все-таки выделить три основных подхода: геополитический, цивилизационный и геокультурный. Цифровые данные о динамике распространения социокультурных конструктов показывают также расширение спектра тем и направлений международных исследований.

— **М.М. Лебедева:** Теории отражают мир, в котором мы живем. Реализм и либерализм как первые теоретические подходы в международных отношениях исходили из государственно-центристской организации мира. По мере развития мира в XX в. в рамках более поздних вариантов этих теорий внимание привлекли различные объединения государств, международные институты, а в рамках неолиберализма — еще и негосударственные акторы. Нео-марксизм внес идею классового характера государств. В конце XX в. мир стал еще более

сложным. Появились критическая теория, конструктивизм и даже квантовый подход применительно к политической науке (Wendt, 2015). Метафора квантового подхода взята из физики и предполагает вероятностные, а не детерминированные исходы, а акторы одновременно могут быть и союзниками, и противниками друг другу в зависимости, например, от рассматриваемых проблем. При этом поведение одного актора влияет на всех других и т. п.

Цифровизация дала новую метафору — сетевую, начало изучению которой было положено М. Кастельсом (Castells, 1996) еще в конце 1990-х гг., в период становления Интернета. Однако сетевой подход получил развитие в международных отношениях уже в XXI в., когда все чаще стали публиковаться исследования, в которых показывается роль сетевых отношений в мировой политике (Cerny, 2010; Sikkink, 2011).

Интересный ракурс рассмотрения международных отношений и мировой политики предлагает и С. Сассен: отвечая на вопрос М. Акуто, она замечает, что цифровые технологии — это не «паровой двигатель», а инфраструктура, «основа многих социально-технических взаимодействий» (Acuto & Sassen, 2019, p. 40), и именно сетевые взаимодействия создают эту инфраструктуру.

Сетевая теория международных отношений и квантовый подход не противоречат друг другу. Оба подхода подчеркивают, что акторов международных отношений и их связи нельзя рассматривать независимо друг от друга, указывают на нелинейность и непредрежденность выбора и т. п. Однако достаточно ли ориентироваться лишь на метафоры из естественнонаучных представлений при изучении международных отношений и мировой политики? Как отмечает О. Уэйвер в диалоге с Л. Монсис, одним из решений здесь может быть обращение к идеям нового материализма, который предполагает отход от дуализма — в частности, материального и нематериального — природы и человека и т. п. При этом О. Уэйвер обращает внимание, что в этом случае теория сама по себе является технологией, а технология — теорией (Monsees & Wæver, 2019).

Таким образом, специалистам в области международных отношений и мировой политики предстоит работа по осмыслению цифровых реалий и формированию собственных подходов, вероятно, обобщающих как естественнонаучные идеи, так и современные философские представления.

— Как, на ваш взгляд, найти баланс между защитой своего цифрового суверенитета (например, через законы о локализации данных) и необходимостью поддержания глобального, открытого и безопасного Интернета? Неизбежен ли конфликт между этими принципами или возможен их синтез?

— М.М. Лебедева: Государства стремятся обезопасить себя от внешнего вмешательства в цифровой сфере. Это относится как к зарубежным государствам, так и к негосударственным акторам, в том числе бизнес-структурам, НПО, хакерам. Отсюда и закон о локализации данных, и требование к различным структурам осуществлять контроль за контентом, который выкладывается в сеть Интернет, и т. п.

Е.С. Зиновьева и А.А. Игнатов определили цифровой суверенитет в широком смысле как «независимость государства в цифровой сфере и способность к самостоятельной реализации информационной политики внутри страны и на международной арене»². Однако проблема заключается в том, насколько это реализуемо, поскольку цифровой суверенитет отличается от национального суверенитета в его традиционном понимании тем, что:

- 1) не имеет четко очерченных границ;
- 2) противостоит глобальной взаимозависимости и транснациональным корпорациям (ТНК) в области технологий и управления данными;
- 3) в цифровом пространстве нет государств, институтов, людей, а есть лишь их цифровые копии, вследствие чего становится

² Зиновьева Е.С., Игнатов А.А. «Цифровой суверенитет» в повестке объединения БРИКС // Российский совет по международным делам. 24.01.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovoy-suverenitet-v-povestke-obedineniya-briks/?sphrase_id=137399354 (дата обращения: 16.10.2025).

сложно привлечь кого-либо к ответственности за правонарушения (Шитьков, 2025).

Отсюда множество проблем. Так возникает противоречие между свободой Интернета и вопросами обеспечения безопасности. Например, в упоминавшемся «деле *Yahoo*» этот вопрос так и остался открытым.

Полагаю, что ситуация будет подобна той, что наблюдается в гонке вооружений: появление новых видов вооружений влечет за собой разработку новых средств защиты, и так далее по восходящей.

— Кибервойна, кибершпионаж, дезинформационные кампании — как эти новые угрозы переопределяют понятие национальной безопасности и оборонительных альянсов? Следует ли ожидать появления новых международных договоров, аналогичных Договору о нераспространении ядерного оружия, но уже для кибероружия?

— М.М. Лебедева: Здесь, пожалуй, следует разделить криминальные действия, осуществляемые негосударственными акторами, и противостояние государств, хотя, конечно, такое разделение не всегда очевидно. Однако по криминальным аспектам договориться все же легче, а по политически мотивированным действиям достичь договоренностей значительно сложнее. Именно по этой причине возникают проблемы с определением того, что является терроризмом, и борьбой с этим явлением.

Тем не менее на национальном уровне принимаются законодательные акты для противодействия компьютерным атакам. Так, в 2013 г. (ред. от 22.12.2017) в России был подписан Указ Президента Российской Федерации «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации»³.

³ Указ Президента РФ от 15.01.2013 № 31с (ред. от 22.12.2017) «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации» (Выписка) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140909/ (дата обращения: 01.11.2025).

Очевидно, что проблема не может быть решена только на уровне отдельных государств. Она носит глобальный характер, поэтому вопросами противодействия киберпреступности и борьбы с кибертерроризмом занимаются различные международные организации, включая Организацию Объединенных Наций. Однако вряд ли на данный момент можно говорить о действенных результатах. Причины этого как политические, так и технологические. В будущем нам нужны договоренности, подобные тем, что были достигнуты в период холодной войны, в частности аналогичные Договору о нераспространении ядерного оружия. Кроме того, по всей вероятности, к разработке и реализации таких договоренностей следует привлечь бизнес-структуры, работающие в сфере противодействия угрозам в информационном пространстве. В любом случае договариваться, конечно, надо.

— Т.А. Алексеева: Весьма перспективной может оказаться технология блокчейн — реестр для хранения и передачи цифровых активов. Все записи в блокчейне хранятся в виде блоков, связанных между собой специальными ключами. Цепь блокчейна неразрывна. Блоки нельзя изменить или удалить, можно лишь добавить новые. Блоки хранятся на множестве компьютеров, которые связаны друг с другом в Интернете. Это помогает, например, проследить историю покупок и продаж актива. Фальсифицировать такие данные невозможно. ИТ-специалисты используют эту технологию для перевода денег между людьми — без банков, систем типа *WebMoney* и других посредников. Так появилась криптовалюта биткоин. Можно предположить, что в будущем технология может радикально изменить подход к работе в целом ряде отраслей — от банков и здравоохранения до онлайн-торговли. Например, технология уже может ускорить и удешевить переводы, защитить медицинские данные и сделать логистику доступной для каждого участника процесса. Предполагается, что в будущем блокчейн существенно упростит финансовые связи, следствием чего неизбежно станет изменение функций и характера деятельности

банков и управленческих структур. Основные характеристики блокчейнов — это прозрачность (записи в блокчейне доступны для всех, что снижает коррупционные риски), высокая скорость подтверждения транзакций, позволяющая оперативно реагировать на изменения, надежность (система устойчива к взломам и сбоям благодаря децентрализованной структуре), экономическая эффективность и юридическая совместимость.

Например, в одной стране система электронного голосования на базе блокчейна позволила увеличить явку на выборах на 25 % и сократить время подсчета голосов до 5 минут. Таким образом, технология будет способствовать снижению уровня коррупции и политического манипулирования.

Тем не менее технология не лишена недостатков, которые могут быть использованы криминальными структурами, то есть ее использование требует создания международной системы информационной безопасности.

Иными словами, уровень цифровой защиты пока еще невысок. Кроме того, искусственный интеллект, построенный на базе самообучающихся систем, может начать действовать в своих собственных интересах. В результате человечество может потерять возможность управления ИИ. Важно также учитывать возможность угрозы занятости вследствие автоматизации многих рабочих процессов, в результате чего может возникнуть социальная напряженность (при условии, что не произойдет переквалификация работников). Искусственный интеллект может принимать решения исходя из своей логики, что может быть неэтичным с точки зрения человека, тем более что правовой статус ИИ все еще находится в «серой зоне».

Однако что, пожалуй, здесь самое важное — это потенциально возможная деградация человека или общества: люди могут переложить на ИИ свою интеллектуальную активность, что в свою очередь может привести к умственной и профессиональной деградации человека (при условии снижения им мозговой активности). Эта угроза вполне оче-

видна. В последнее время несколько раз студенты попытались использовать технологии цифровизации для написания рефератов и даже курсовых работ. Пока вмешательство искусственного разума довольно заметно, но что будет в будущем? Массовая безграмотность?

— Как цифровизация изменила инструментарий публичной дипломатии и борьбы за «мягкую силу»? Можно ли считать успешные технологические корпорации (такие, как *TikTok* или *Netflix*) новыми агентами международных отношений и как государства могут на это реагировать?

— М.М. Лебедева: Термин «публичная дипломатия» возник во второй половине XX в. в США и был определен как оказание влияния государства на общества других государств⁴. Каналы этого влияния — двоякие: непосредственно через государственные структуры и через программы негосударственных акторов, спонсируемые правительством (Лебедева, 2017). Развитие цифровизации внесло значительный вклад в публичную дипломатию, резко расширив аудиторию взаимодействия с зарубежным обществом за счет сайтов посольств, министерств, появления твиттер⁵-дипломатии (Цветкова, 2011). Следующим шагом развития цифровой публичной дипломатии стало не только информирование зарубежного общества, но и активное взаимодействие с ним. Наконец, использование технологий *Web 3.0* в публичной дипломатии ведет к децентрализации и взаимодействию пользователей (Ордовский, Кожемякин, 2025).

Расширив внешнюю аудиторию, цифровизация одновременно и увеличила число дипломатов, которые стали заниматься публичной дипломатией, писать твиты, посты и т. п. В эту же работу оказались вовлечены и представители негосударственных структур. Все это сдела-

⁴ Public Diplomacy // Dictionary of International Relations Terms : 3rd edition. Washington, DC : U.S. Department of State Library, 1987. P. 85–86.

⁵ Социальная сеть X (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (*Прим. ред.*).

ло работу в области публичной дипломатии более сложной.

Какие технологические корпорации являются акторами, а какие нет, — вопрос сложный. В абсолютном значении — никакие. Впрочем, как и государства. Ни одно государство не является неким творцом мировой политики. *TikTok* выступает, скорее, не актором, а проводником «мягкой силы» Китая. В этом отношении компания весьма успешна. Американская *Netflix* также вряд ли претендует на роль актора, но и проводником ее назвать сложно.

— На ваш взгляд, не становится ли цифровизация новым источником глобального неравенства, разделяя страны на технологически развитые «цифровые державы» и всех остальных? Какие международные институты и механизмы могут помочь преодолеть этот разрыв?

— Т.А. Алексеева: Как представляется, ускорение глобальных политических процессов в сочетании с возможностью сетевого и цифрового влияния как на внешних, так и на внутренних реципиентов создает новые возможности в области публичной дипломатии. Впервые в истории у дипломатических и государственных структур появилась возможность прямого взаимодействия с населением других стран без каких-либо официальных заявлений или использования СМИ. Наиболее важными элементами цифровой дипломатии являются взаимодействие в социальных сетях, открывающее возможность коммуникации в реальном времени, проведение конференций и саммитов без логистических издержек, а также организация переговоров по «острым» вопросам без необходимости визитов в другую страну. В этой связи публичная дипломатия обретает сегодня качественно новое измерение, ибо позволяет обращаться к каким-то зарубежным структурам или группам без посредников.

— М.М. Лебедева: Цифровизация, действительно, разделила мир на лидеров и отстающих. И.В. Данилин показывает, что интернет-компании США и Китайской Народной

Республики (КНР), такие как *Facebook*⁶, *Alibaba* и др., являются ключевыми на цифровых рынках: «Именно США и, в меньшей мере, Китай структурируют рынки цифровой экономики, предотвращая шанс третьих стран и регионов перехватить лидерство в данной сфере — в том числе, скупая иностранных конкурентов и перспективные стартапы» (Данилин, 2020, с. 103). Мир в значительной степени оказывается поделенным между этими двумя государствами.

Если говорить о долгосрочных планах, то международные организации, например ЮНЕСКО и Всемирный банк, могут оказывать помощь, в том числе финансируя проекты в области образования в развивающихся странах, что может повысить общий уровень цифровой грамотности. В целом же ситуация представляется не столь однозначной, как разделение на «цифровые государства» и всех остальных. Во-первых, цифровые технологии развиваются, сразу включаясь в глобальное пространство. Поэтому не исключено, что новые идеи и новые стартапы будут возникать в других точках земного шара за пределами США и Китая, и не все их можно будет поглотить. Здесь важным становится формирование сетей и «завязывание узлов» в этих сетях. Во-вторых, возникает проблема стандартов. Борьба за продвижение «своих» стандартов в цифровой сфере на глобальном уровне будет очень острой, поскольку она непосредственно связана с экономической сферой.

— Пандемия COVID-19 и геополитическая напряженность обнажили уязвимость глобальных цепочек поставок, особенно в сфере высоких технологий (чипы, программное обеспечение). Как государства защищают свой технологический суверенитет? Приведет ли это к полному распаду глобальных цепочек на изолированные технологические блоки (например, западный

⁶ Социальная сеть *Facebook* (входит в группу компаний *Meta*) запрещена в Российской Федерации. Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

во главе с США и восточный — во главе с Китаем)?

— **Т.А. Алексеева:** Глобальный мир сегодня зависит также от мощных процессов изменения самих политических систем, экономики и технологических «прорывов». Отсюда такое явление, как «технофеодализм», о котором сейчас много говорят и пишут авторы различных идейных ориентаций. Это понятие, описывающее новую социально-экономическую систему, в которой доминируют цифровые технологические платформы, аналогично тому, как в Средние века в обществе господствовала иерархическая система, во главе которой стояли феодалы. Эта идея была сформулирована греческим экономистом Янисом Варуфакисом, которого называют «Джоном Кейнсом с каплей Маркса». Он утверждает, что мы переживаем «эпохальные перемены», когда вследствие развития вычислений и больших данных наступает конец традиционного рынка, движимого капитализмом. Схожесть с феодализмом заключается в том, что корпорации будут получать доход не только с прибыли, но и с аналога «ренды» за доступ к платформе или рекламе, как некогда феодалы взимали ренту с крестьян. Например, американская компания *Apple* удерживает комиссию за продажи приложений в *App Store* в размере 30 %, что напоминает «оброк» или феодальный налог, а не типичную рыночную форму прибыли.

Мелкие компании, хотя и остаются формально независимыми, фактически зависят от инфраструктуры «помещиков»-техногигантов, сосредоточенной в руках лишь нескольких корпораций. Исследователи считают, что это новая форма капитала. Одним из возможных последствий цифровизации может стать слияние бизнеса и власти, что, в свою очередь, может означать появление таких монополий, масштабы которых сегодня пока еще крайне трудно даже вообразить. Это будет уже не просто капитализм, а качественно новый посткапитализм.

— **М.М. Лебедева:** Международная напряженность, как и пандемия, — это кризисные ситуации, а кризисы, как правило, ведут

к поляризации. Сегодня мы можем наблюдать поляризацию не только в области цифровизации мировой политики, но и в других сферах. В частности, происходит поляризация правых и левых партий в Европе и в США.

В результате негативного опыта в пандемию и современной сложной обстановки государства стремятся обеспечить собственное технологическое производство и собственные цепочки технологических поставок. Наиболее яркий пример — производство микрочипов. Тайваньская компания *TSMC* (*Taiwan Semiconductor Manufacturing Company*) на мировом рынке производит более 50 % микрочипов и поставляет свою продукцию в том числе в КНР и США. Во время пандемии возник повышенный спрос на микрочипы и, соответственно, их дефицит. *TSMC* стала поставлять микрочипы для *Apple*. Остальным компаниям пришлось ожидать поставок микрочипов месяцами⁷. Несмотря на то, что микрочипы поставлялись американской компании, это побудило США к тому, чтобы развивать их производство на своей территории, хотя и при помощи *TSMC*⁸.

Едва ли тенденция к технологическому самообеспечению приведет к полному распаду технологических цепочек, поскольку такое вряд ли возможно в современном взаимозависимом мире. Через какое-то время цепочки, пусть и на новой основе, будут восстановлены. В то же время ищутся новые пути нахождения баланса между технологическим суверенитетом и инвестиционной безопасностью, в частности предлагается экосистемный подход (Степнов, 2025).

⁷ Абдулбарова Ю. Производство микрочипов: крупнейшие компании, мировые рынки, тенденции в 2022 году // *linDEAL*. 2023. URL: <https://lindeal.com/trends/proizvodstvo-mikrochipov-krupnejshie-kompanii-mirovye-rynki-tendencii-v-2022-godu> (дата обращения: 12.10.2025).

⁸ *TSMC* построит крупнейший завод по производству микрочипов в Аризоне. США укрепляют позиции на рынке чипов // *IXBT*. 26.09.2025. URL: <https://www.ixbt.com/news/2025/09/26/tsmc-postroit-krupnejshij-zavod-po-proizvodstvu-mikrochipov-v-arizone.html> (дата обращения: 12.11.2025).

— Кто сегодня обладает бóльшим влиянием на цифровую среду — национальные правительства или транснациональные технологические корпорации (*Big Tech*)? И как в связи с этим меняется сама природа власти в международных отношениях?

— М.М. Лебедева: Вряд ли целесообразно противопоставлять транснациональные технологические корпорации и государства. В большинстве случаев они сотрудничают. При этом корпорации лоббируют свои интересы и представлены в государственных структурах и т. д. Аналогичное представительство есть у государственных структур в компаниях.

В отдельных случаях транснациональная технологическая корпорация может оказаться более влиятельной, причем не только в цифровой среде, но и — что более значимо — в мировой политике. Вернемся к примеру *TSMC*. То, что эта компания влиятельнее в цифровой сфере, чем не признаваемая Российской Федерацией Китайская Республика, где она располагается, по всей видимости, очевидно. Однако *TSMC* к тому же во многом сдерживает ключевых геополитических акторов от вооруженного конфликта, который может привести к тому, что весь мир окажется без достаточного количества микрочипов.

— Ключевые элементы Интернета (доменная система, протоколы) исторически управляются при значительном влиянии США и западных некоммерческих организаций. Наблюдаем ли мы кризис этой модели и усиление борьбы за многополярное управление Интернетом со стороны таких стран, как Китай и Россия? К чему может привести фрагментация глобальной сети?

— М.М. Лебедева: Управление Интернетом — старая проблема, возникшая на заре появления Интернета. Она хорошо описана в российской научной литературе. Одно из последних изданий по данному вопросу — вышедшая в 2025 г. коллективная монография под редакцией Е.С. Зиновьевой (Международное управление Интернетом, 2025).

Если говорить вкратце, то разработанный в США Интернет изначально и управлялся из

США. С технологической и правовой стороны США продолжают в значительной степени осуществлять контроль над Интернетом, однако, поскольку он стал глобальной сетью, встал вопрос о его «перевode» на уровень международного управления. Ряд стран, в том числе Россия, выступили с предложением передать управление на международный уровень — в Международный союз электросвязи. США и западные страны возражают, полагая, что это может привести к бюрократизации и жесткой централизации контроля над Интернетом. Пока данная проблема не решена. Предпринимаются попытки создания национальных сетей, что ведет к фрагментации глобальной сети, негативными сторонами которой становятся ухудшение обмена данными (в том числе научными), затруднения при реализации сотрудничества в борьбе с террористическими и хакерскими атаками, а также усложнение деятельности транснационального бизнеса и т. п.

— Как, на ваш взгляд, изменится политический мир (и изменится ли) благодаря цифровым технологиям?

— М.М. Лебедева: Думаю, что политический мир изменится принципиально.

Во-первых, будут развиваться сетевые отношения в мире. Они затронут государственные структуры, негосударственных акторов и взаимодействие государственных и негосударственных акторов. Иерархическая структура политической организации, основанная на Вестфальских принципах, трансформируется в сетевую, где важными составляющими будут как центры (акторы), так и их связи и отношения друг с другом. При этом вряд ли следует соглашаться с Р. Хаасом, что такой мир будет хаотичным (Хаас, 2008). Выстраиванию целенаправленных отношений помогут цифровые технологии, прежде всего — коммуникационные и информационные, а также искусственный интеллект, ведь сейчас мы довольно успешно взаимодействуем в Интернете. Другое дело, что сама перестройка политической организации мира может сопровождаться хаотизацией.

Во-вторых, на уровне государств также произойдут изменения. Так, наиболее очевидными из них станет исчезновение ряда профессий, что повлечет за собой социальные изменения. Начало этого процесса может вести к радикализации политических взглядов. Например, существуют исследования, в которых показано, что в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) внедрение робототехники привело к росту правых взглядов среди представителей низших слоев среднего класса (Kurer & Palier, 2019).

Таким образом, процессы трансформации политической организации мира как на глобальном, так и на страновом уровнях будут сложными.

— Существуют ли какие-либо особенности влияния новых технологий XXI в. на мировую политику по сравнению с тем, какое воздействие оказывали новые технологии в предыдущие эпохи?

— М.М. Лебедева: Думаю, что значимым различием является скорость преобразований в современных условиях. И развитие земледелия, и внедрение парового двигателя или машинного производства шли относительно медленно по сравнению с современными преобразованиями. Сегодня же цифровые технологии внедряются галопирующими темпами. Успеет ли международная практика приспособиться к изменениям? Очевидно, что согласование позиций на международном уровне потребует значительного времени даже при условии подключения к этому искусственного интеллекта.

Другое отличие от прошлого заключается в том, что цифровизация затронула самые основы политической организации мира и ее фундамент — национальный суверенитет. Ни промышленная революция в Англии в XVIII в., ни дальнейшие технологические инновации такого критического воздействия на суверенитет не оказывали. Отсюда стремление государств обезопасить себя в цифровом пространстве. Так, Россия приняла Доктрину национальной безопасности в 2000 г.,

затем — в 2016 г.⁹ с учетом более сложных условий, сложившихся в глобальной цифровой сфере.

Примечательно, что, несмотря на то, что «размывание» суверенитета происходит в виртуальном пространстве, реакция на этот процесс нередко дается асимметрично. Это хорошо видно на изоляционистской политике Д. Трампа по ряду направлений: выход из ряда международных договоров, введение тарифов и т. п., при том что по другим направлениям внешней политики (например, попытках урегулирования международных конфликтов) Д. Трамп оказывается глубоко вовлеченным в международные отношения.

Разумеется, транснационализация, обусловленная новыми технологиями, влияет не только на мировую политику. Однако в других сферах она не затрагивает существенные параметры. Например, в медицине цифровизация дает основу для развития телемедицины, но не сказывается на медицине как таковой.

— Т.А. Алексеева: Согласна с коллегой, но хотела бы сделать некоторые уточнения. Цифровизация, о которой так много говорят и пишут в последнее время, далеко не у всех вызывает восхищение, а многих истораживает. Цифровизация в широком смысле — это выстраивание новой системы управления государственным и частным секторами, а в узком смысле слова — это цифровая трансформация в системе государственного управления и государственной деятельности. С одной стороны, цифровизация призвана изменять процессы и услуги, делать их более быстрыми и одновременно открывать новые возможности коммуникации. С другой стороны, возникают собственные риски цифровизации, которые как минимум требуют внимания.

Интервью провели К.П. Курылев и М.С. Рамич

Поступило в редакцию / Received: 14.11.2025

⁹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1539546/ (дата обращения: 12.11.2025).

Список литературы

- Алексеева Т. А., Минеев А. П., Лошкарёв И. Д. «Квантовая» теория принятия решений в политической науке // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 22–32. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.03>; EDN: ZBGHNN
- Данилин И. В. Влияние цифровых технологий на лидерство в глобальных процессах: от платформ к рынкам? // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13, № 1. С. 100–116. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-100-116>; EDN: ZDTVID
- Зиновьева Е. С. Глобальное управление Интернетом: российский подход и международная практика // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4. С. 111–118. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-4-43-111-118>; EDN: UDUNML
- Лебедева М. М. Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? // Публичная дипломатия: теория и практика / под ред. М. М. Лебедевой. Москва : Аспект Пресс, 2017. С. 8–20. EDN: ZWAOYT
- Лебедева М. М., Зиновьева Е. С. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 144–156. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156>; EDN: TQVNYC
- Международное управление Интернетом / под ред. Е. С. Зиновьевой. Москва : Серпантин Про (ИП Гончаров А.В.), 2025. EDN: VELEVP
- Ордовский Д., Кожмякин Е. А. Цифровая публичная дипломатия в эпоху социальных медиа: эволюция и современное состояние // Полис. Политические исследования. 2025. № 2. С. 157–166. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.11>; EDN: OOLICR
- Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. Москва : Прогресс-Традиция, 2003.
- Степнов И. М. Инвестиционная безопасность и технологическая суверенность: экосистемный подход к поиску баланса // Вестник МГИМО-Университета. 2025. Т. 18, № 4. С. 185–206. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-185-206>; EDN: IMLXCS
- Талей Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. Москва : КоЛибри, 2011. EDN: QYCBIX
- Уэллс Г. Дж. Новый мировой порядок. Москва : Субъект, 2023.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Москва : Касталь, 1996.
- Хаас Р. Эпоха беспоплярного мира // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 4. С. 34–47. EDN: TWJYFP
- Цветкова Н. А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 3. С. 109–122. EDN: NDUOWR
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва : Эксмо, 2016.
- Шитков С. В. Подходы к изучению цифрового суверенитета в современной политической науке // Международная жизнь. 2025. № 5. С. 90–99. EDN: EGLHNN
- Acuto M., Sassen S. Everyday Tech: In Search of Mundane Tactics // Technologies of International Relations : Continuity and Change / ed. by C. Kaltofen, M. Carr, M. Acuto. Cham, Switzerland : Palgrave Pivot, 2019. P. 35–43. https://doi.org/10.1007/978-3-319-97418-7_4
- Barkin J. S. Realist Constructivism : Rethinking International Relations Theory. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Castells M. The Rise of the Network Society. Cambridge, Mass. : Blackwell Publishers, 1996.
- Cerny Ph. G. Rethinking World Politics : A Theory of Transnational Neopluralism. Oxford : Oxford University Press, 2010. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199733699.001.0001>
- Kurer T., Palier B. Shrinking and Shouting: The Political Revolt of the Declining Middle in Times of Employment Polarization // Research and Politics. 2019. Vol. 6, iss. 1. P. 1–6. <https://doi.org/10.1177/2053168019831164>
- Monsees L., Wæver O. Theory Is Technology; Technology Is Theory // Technologies of International Relations : Continuity and Change / ed. by C. Kaltofen, M. Carr, M. Acuto. Cham, Switzerland : Palgrave Pivot, 2019. P. 13–23. https://doi.org/10.1007/978-3-319-97418-7_2
- Nye J. S., Keohane R. O. Transnational Relations and World Politics: An Introduction // International Organization. 1971. Vol. 25, no. 3. P. 329–349. URL: <http://www.jstor.org/stable/2706043> (accessed: 12.11.2025).
- Oppenheimer M. F. The Turbulent Future of International Relations // The Future of Global Affairs : Managing Discontinuity, Disruption and Destruction / ed. by C. Ankersen, W. P. S. Sidhu. Cham, Switzerland : Springer International Publishing, 2021. P. 23–47. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56470-4_2
- Rosenau J. Turbulence in World Politics : A Theory of Change and Continuity. Princeton : Princeton University Press, 1990. <https://doi.org/10.2307/j.ctv301hg5>
- Sikkink K. The Power of Networks in International Politics // Networked Politics : Agency, Power, and Governance / ed. by M. Kahler. Ithaca, New York : Cornell University Press, 2011. P. 228–248. <https://doi.org/10.7591/9780801458880-013>
- Wendt A. Quantum Mind and Social Science : Unifying Physical and Social Ontology. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316005163>; EDN: WSXFEH